

нечными суммами (рядами). (Например, с таким знакомым со школьной скамьи объектом, как бесконечно убывающая геометрическая прогрессия, — даже здесь было много сомнительных допущений, хотя формулой суммы этой прогрессии уже всюду пользовались несколько столетий.) Но успехи математики — в первую очередь ее приложений в астрономии и механике — были столь впечатляющи, что не доверять ей было очень трудно. И когда математические исследования из каких-то, казалось бы, внутренних потребностей привели к переформулированию геометрии Евклида, это вызвало, с одной стороны, удивление и сопротивление, а с другой — почти благоговение: математика перестала считаться с реальностью вообще. Она более всего занята собой — она автономна, а следовательно, независима от конечного реального мира. Математика демонстрировала мощь и независимость языка — языка, способного, развиваясь только по законам внутреннего построения высказывания, выводить истины реального мира — то есть выяснять, что же в этом реальном мире соответствует высоким и чистым законам истинного бытия. И потому у Достоевского, хорошо знакомого с языком математики, не могло не возникнуть подозрения, что этот язык способен доказать (или по крайней мере строго и согласованно поставить формальную задачу), что есть Истина. И Достоевский не мог исключить возможность, что это доказательство обойдется без Христа. Достоевский пишет в письме к Фонвизинной: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»⁶. Достоевский хочет остаться с Христом, но сделать это ему будет очень трудно, если он столкнется с математическим доказательством, которое строго обоснует, что Истина в Христе не нуждается. Это будет трудный выбор, причем не абсолютно однозначный: «мне лучше хотелось бы остаться со Христом» — это всего лишь условное, гипотетическое утверждение. А Достоевский допускает существование такого доказательства: с его точки зрения, оно вполне может быть найдено. Достоевский пишет: «Социалисты хотят переродить человека, *освободить* его, представить его без Бога и без семейства. Они заключают, что, изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменится не от *внешних* причин, а не иначе как от перемены *нравственной*. Раньше не оставит Бога, как уверившись математически...»⁷

Математика для Достоевского обладает свойством внутренней полной убедительности. Математическое доказательство не есть «внешняя причина», поскольку она способна продемонстрировать («вывести» — буквально «вывести из темноты») структуру бытия. Это очень сильное допущение. Сделав его, Достоевский не мог не попробовать самостоятельно провести это математическое доказательство — доказать (или опровергнуть) то, что истина вне Христа. Конечно, писатель не обладал тем математическим аппаратом, который использовали современные ему математики в своих исследованиях переднего края науки. Но Достоевский очень чутко ощущал проблематику, к которой подходила математическая мысль. В первую очередь это — исследование оснований математики: геометрии пространства и теории актуально-бесконечных множеств, выяснение того, насколько математическая наука на самом деле строгая дисциплина.

2. Евклидов ум

Достоевский самостоятельно предпринимает доказательство того, что Истина может обойтись без Христа, причем доказательство математически стро-

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Л., «Наука», т. 28, кн. 1, стр. 176. Курсив Достоевского.

⁷ Там же, т. 20, стр. 171 — 172. Записные книжки 1863 — 1864 гг. Курсив Достоевского.